

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1986

Сборник статей

Ответственный редактор
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1986

В сборник включены статьи по актуальным проблемам истории социалистической мысли — от эпохи Возрождения и Реформации до второй половины XIX в. В них показано значение трудов Ф. Энгельса для развития марксистской историографии общественной мысли, а также многообразие социалистических исканий в Западной Европе и России. Большой раздел составляют статьи, написанные к 450-летию со дня кончины Т. Мора, в которых рассматриваются малоизученные вопросы его творчества

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Л. Н. ГОЛЬМАН, Н. Ю. КОЛШИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН,
Т. А. ПАВЛОВА, Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

	СТАТЬИ
Н. Б. Тер-Акопян	К истории термина и понятия «первобытный коммунизм» 3
Л. С. Чиколини	Социальная утопия как явление общественной мысли в переходную от феодализма к капитализму эпоху 26
Н. Г. Федоровский	К вопросу о классовой сущности лассальянства 49
Г. И. Романов	Социалистические искания В. А. Милютина 74
К. М. Андерсон	Оуэнисты и Ирландия 96
Т. А. Павлова	Рантеры и Уинстэнли 113
В. М. Володарский	Утопия Ганса Гергота 134
В. Д. Балакин	Общественное воспитание в социальной утопии Андреэ 154
А. Э. Штекли	«Досуг во Фландрии» и создание «Утопии» (К критике господствующей текстологической концепции) 174
О. Ф. Кудрявцев	Ренессансная апология наслаждения (К прочтению некоторых мест «Утопии» Томаса Мора) 197
ИСТОРИОГРАФИЯ	
В. Н. Ильин	О средневековом «социализме» (К критике концепции К. Каутского) 229
Т. Н. Самсонова	Об изучении «Утопии» Томаса Мора в новейшей буржуазной историографии 251
ПУБЛИКАЦИИ	
М. К. Трофимова	Утопия Евгемера Вступ. ст., публ. и пер. с древнегреч. 266
А. Э. Штекли	Вильгельм Циммерман о движении Ганса Бёхайма Введение и пер. с нем. 282

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Социальная утопия как явление общественной мысли в переходную от феодализма к капитализму эпоху

Обстоятельное знакомство с проектами преобразования общества, которыми столь богата политическая литература Европы XVI—XVIII вв., приводит нас к убеждению, что социальная утопия играла значительную роль в общественной мысли переходной от феодализма к капитализму эпохи. Задача данной работы — рассмотреть ее наиболее характерные черты, что способствовало бы, на наш взгляд, более ясному пониманию также основных линий духовного развития стран континента в то сложное время. Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее освещение темы, мы делаем попытку проанализировать сочинения XVI—XVII вв. и в меньшей степени — XVIII в. Утопии эпохи Просвещения, труды французских мыслителей в частности, хотя они имеют немало родственного с предшествующими социальными учениями, обладают своими особенностями и требуют особого рассмотрения. В статье, таким образом, сделан акцент на характеристике утопической литературы первого этапа генезиса капиталистических отношений в странах Западной Европы.

Утопии XVI—XVII вв. интересны не только тем, что в них ярко проецируется своеобразие их собственной эпохи. Фактически в подобных сочинениях уже прослеживаются элементы и составные части, определяющие специфику этого направления общественной мысли на столетие вперед.

В основу наших размышлений в значительной мере положен итальянский материал: именно в Италии эпохи Возрождения отмечено бурное развитие социально-политических учений. Этот материал, однако, дается в контексте общеевропейских тенденций и фактов, увязан с ними, что и позволяет сделать соответствующие обобщения и выводы.

* * *

Известный французский гуманист Гийом Бюде — автор вступительного письма к «Золотой книжечке» Томаса Мора (издание 1517 г., Париж) — весьма лестно отзывался о ее творце: Мор «показал нам образец блаженной жизни и дал наставление, как жить»¹.

¹ Мор Т. Утопия. М., 1978, с. 93.

Слова эти примечательны: они, видимо, не только дань принятому тогда литературному этикету, но и свидетельство серьезного отношения к сочинению Мора, глубокого понимания его раздумий. Переодовые мыслители увидели в «Утопии» не только блестящее произведение гуманиста, но и образец наилучшего государственного устройства, имеющий практическое значение. Мор, «огорченный обычаями нашего века, — писал итальянский историк и издатель Франческо Сансовино, — оставил людям описание блаженного народа, управляемого превосходными законами и пребывающего в мире и согласии». И хотя в его книге речь идет о вещах вымышленных, замечал он, «читатель может извлечь для себя много нужного и полезного при проведении реформ или основании новых государств»². И действительно, опыт построения новых общественных порядков по Мору был, как известно, предпринят в Мексике Васко де Кирога³. Предполагают, что память об этом начинании индейцы хранили еще в XVII в.⁴

С момента своего появления «Утопия» заняла видное место в ренессансной культуре. За четыре года — с 1516 по 1519 — она выдержала пять изданий; вскоре ее стали переводить на европейские языки — немецкий, итальянский, французский, английский, голландский. «Золотая книжечка» английского гуманиста вызывала восхищение одних, осуждение других. Следы ее воздействия заметны в творчестве итальянских полиграфов Ландо и Дони, французских гуманистов от Бюде до Рабле⁵, многих других деятелей эпохи Возрождения. Она оказала заметное влияние на развитие общественной мысли и в последующие времена, дав толчок к возникновению утопических проектов переустройства общества, самых различных по социальной сути.

Вопреки мнению некоторых бужуазных историков, стремящихся умалить значение подобной литературы, особенно утопий, в которых провозглашались коммунистические идеалы (к примеру, сочинения Мора и Кампанеллы объявляли случайными, шуточными⁶), отношение к таким на первый взгляд фантастическим по форме произведениям в ту пору было вполне серьезным. Достаточно напомнить, с каким упорством возвращался Кампанелла к «Городу Солнца» — «конституции» государства, за которое он боролся, совершенствуя свой проект, добываясь его издания и связывая с ним планы преобразования мира. Столь же серьезно оценивали «Город Солнца» и его современники — Товий Адами, Иоганн Валентин Андреэ (ав-

² Sansovino F. Del governo et amministrazione di diversi regni et republiche, cosi antiche, come moderne, libri XXII. Venezia, 1583, p. 183.

³ Мордвицев В. Ф. Васко де Кирога и «Утопия» Мора. — В кн.: Томас Мор: К 500-летию. 1478—1978. Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981, с. 167—190.

⁴ Плавский З. П. Томас Мор в Испании. — Там же, с. 193.

⁵ Карева В. В. Рабле и Томас Мор. — Там же, с. 76—109.

⁶ Критику этих концепций см.: Осиповский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978, с. 14—19, 24—28; Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969; Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978.

тор сочинения «Христианополис», на которой лежит печать подражания Кампанелле). Французский эрудит Габриэль Ноде относил «Город Солнца» к числу выдающихся произведений, полных глубокого философского смысла и практических советов, которые учат, как, следуя мудрым наставлениям, государство могло бы обрести прочные основы и надежные формы правления, а люди стали бы лучше, чем они есть⁷.

Чем же объяснить развитие утопической литературы в эту эпоху? Почему тяга к преобразованию общества облекалась в столь своеобразную форму, часто оборачивалась созданием «романов о путешествиях» и других видов подобных сочинений? Наконец, где, в каких странах и на каком этапе развития такой способ выражения общественных идеалов получил особое распространение и в какой степени они отражали потребности исторического процесса?

Ответы на эти вопросы следует искать прежде всего в характере самой эпохи — в специфике исторической эволюции и своеобразии духовного развития народов в переходный от феодализма к капитализму период, который совершался в странах Западной Европы крайне неравномерно и в целом занял более чем три столетия. То было, как хорошо известно, сложное переломное время как называемого первоначального накопления капитала, Реформации и Контрреформации, невиданных социальных коллизий, жестоких гонений на свободную мысль, заставлявших прибегать к эзоповскому языку и «никодимизму» — тайному сочувствию Реформации. Именно тогда вспыхнули первые буржуазные революции и мощные крестьянские восстания. Ломка феодальных устоев затрагивала все стороны жизни народов, меняла их быт и нравы, сопровождалась преобразованием форм государственного устройства. Радикальные перемены в экономической сфере вызвали коренные сдвиги в области идеологии. Социальные и политические потрясения порождали дестабилизацию, неустроенность и неудовлетворенность самых разных слоев общества, начиная от подвергавшейся пауперизации массы мелких непосредственных производителей, кончая зарождавшейся буржуазией и даже представителями господствующего класса, терявшими свои прежние позиции.

Сложная обстановка выдвигала задачи, которые требовали теоретического осмысления. Вопрос о роли государства становился все более актуальным, его изучение вело к развитию политической теории, обособлению ее от других гуманитарных наук, с которыми она долгое время была спаяна в учениях представителей ренессансной культуры. Уже начало XVI в. ознаменовалось небывалым взлетом политической мысли, о чем убедительно свидетельствуют произведения Макьявелли. За ним шли Гвиччардини, Боден, целая плеяда их последователей, а также и оппонентов. Дуализм социально-экономических отношений, выражавшийся в сочетании и противоборстве господствующих феодальных отношений и формирующегося капиталистического уклада, неизбежно сказывался на характере

⁷ Naude G. Bibliographia politica. Venetia, 1633, p. 13, 25.

политических теорий. Этим объясняется их противоречивость и непоследовательность.

Столь же своеобразным и в конечном итоге противоречивым было воздействие на духовное развитие Европы культуры Возрождения. Ее огромное влияние на социальную мысль общезвестно. Роль гуманизма в становлении нового мировоззрения переоценить трудно. Он способствовал высвобождению человеческого разума от исключительной власти церковной догмы, раскрытию творческих сил и дарований людей, возвышал их достоинство, расковывал волю. Призыв к свободному поиску истины, познанию мира посредством разума и опыта содействовал развитию натурфилософии, пантеизма, затем деизма, а также зарождению атеистических и материалистических представлений.

В эпоху Возрождения были достигнуты успехи в изучении самого человека, его природы и возможностей. Доктрины Помпонацци и его сторонников о смертности души явились важным этапом этого познания; они снова и снова понуждали пересматривать вопрос о назначении человека, утверждали его исключительно земную, природную сущность. Благодаря трудам Макьявелли люди приблизились к уразумению антагонистического характера общественных отношений своей эпохи. Макьявелли нанес чувствительный удар и по господствующему в средние века провиденциализму (объяснению исторического процесса вмешательством божественных сил) и, отправляясь от древних, впервые в свое время четко сформулировал мысль, что религиозные культы — порождение человеческого ума. С необыкновенной откровенностью бывший флорентийский секретарь вскрыл тайные пружины политики, подчеркнув, что в основе ее лежат отнюдь не нормы морали, а интересы государства, и тем самым положил начало новым принципам политической науки, ее выделению из целого комплекса гуманитарных дисциплин, которые венчала этика. Труды Макьявелли, таким образом, важная веха на пути к открытию объективных законов развития общества.

Однако, говоря о благотворном влиянии Ренессанса на общественную мысль переходного от феодализма к капитализму периода, нельзя, очевидно, ограничиваться констатацией только тех позитивных моментов, которые он привносил в идеологию. Гуманизм, как и Возрождение, сложное явление, представители которого в целом придерживались идеалистических взглядов на ход истории и ее движущие силы. Мировоззренческие основы их учений оставались идеалистичными и эклектичными, как вся натурфилософия того времени, которая «заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополения действительные пробелы лишь в воображении»⁸. Антропоцентрические убеждения, собственные гуманистам, стремление возвысить человека, сделать его «богоравным» (что само по себе имело огромное значение в борьбе со средневековым аскетизмом) приводили подчас к преувеличению

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 304.

роли индивида в историческом процессе, в частности возможностей государей и правителей, т. е. к идеализации института государства и политического фактора. Это неизбежно усиливало утопические тенденции политической теории, поскольку объективно, независимо от утопической литературы (хотя и перекрещаясь с ней) бытовали определенные политические понятия, в сущности далекие от реальной жизни. Под их влиянием еще долгое время «общественное благо» продолжали связывать с добродетелями людей (а не с объективными законами социально-экономического и духовного развития), их пороками объясняли беды и несчастья народов. Долго еще в политической литературе отдавалось предпочтение этике и морали, сохранялось гиперболизированное представление о силе их воздействия на общественные явления. Педагогика по-прежнему рассматривалась как важная политическая наука. Неудивительно, что многие утописты мечтали посредством воспитания переделать мир, уничтожить преступления и пороки, и главный из них — своекорыстие.

Открытия Макьявелли и его приверженцев в области политики полностью еще не уничтожали зависимости этой науки от морали (хотя сами этические нормы претерпевали существенную трансформацию), не поколебали убеждения, что ход истории зависит от воли и желания выдающихся людей. Напротив, и сам автор «Государя», несмотря на весь свой реализм и острую наблюдательность, в соответствии с понятиями того времени находился в плену иллюзий, возлагал все надежды на сильную личность, обладающую непреклонной волей и смелым умом. По существу, и он включился в поиски идеального правителя, чем уже давно были заняты гуманисты от Колуччо Салютати и Альберти до Эразма и Де Гевары. И хотя Макьявелли наделял государя совсем иными качествами, нежели гуманисты, в конце концов и он тоже создавал своеобразную утопию, пытаясь отстоять интересы зарождавшейся итальянской буржуазии. В этой прочной связи морали с политикой был, несомненно, и положительный момент — требование (вопреки макьявеллизму) нравственности последней. Восходя к суждениям древних мыслителей и претерпев в ходе истории ряд изменений, эта идея воскрешалась не только в сочинениях утопистов XVI—XVII, но и последующих веков.

Следует учесть еще одно обстоятельство. Как ни парадоксально, но и рационализм, возникший в эпоху Возрождения на светской почве (в отличие от средневекового, религиозного) и с особой силой зазвучавший затем в трудах просветителей XVIII в., хотя и сыграл столь важную роль в борьбе с церковным деспотизмом, несмотря на все свои сильные стороны, тем не менее способствовал подчас идеалистическим представлениям. Он усиливал веру в возможность исправления пороков человечества посредством убеждения, уразумения истины и выработки мудрых правил общежития без коренного переустройства его основ. Отсюда стремление создать «модель» идеальных порядков, некий образец, достойный подражания, а также желание с особой убедительностью и наглядностью описать его занимательно, в форме диалогов, романов, поэм и т. д. (примером

чему служила и античная литература), иначе говоря, использовать весь арсенал достижений гуманизма для воздействия на человека, на его разум и чувства посредством не только риторики, но и своеобразного «сплава» рационально-художественных приемов, повышающих силу убеждения. Гиперболизация роли образца, которому должны следовать люди, сочеталась с попыткой обосновать человеческие законы как восходящие к предначертаниям вечной мудрости, божественной справедливости, понимаемой в качестве всеобъемлющего закона природы. Этим вызывалось особое внимание к вопросам права, а также утрированное представление об исключительном значении законодательства для исправления пороков общества. Все это не могло не сказаться на политических теориях того времени, определенной склонности их к утопизму.

И все же как раз в эпоху так называемого первоначального накопления капитала, отмеченную беспощадной борьбой за обладание золотом, богатством, когда социальные противоречия обнажились весьма отчетливо, возникли значительно большие, чем прежде, возможности заметить наличие неразрывной связи образа жизни людей с существующим хозяйственным и общественным строем. Именно тогда типы государственного устройства стали более определенно соотноситься с характером имущественных отношений. Это отчетливо проявилось уже в «Утопия» Мора, резко осудившего частную собственность и предложившего довольно демократическое для своего времени государственное устройство утопийцев⁹. Показательно, к примеру, и учение Донато Джаннотти о «смешанной» форме правления, суть которой, по его суждениям, меняется в зависимости от того, каким достойным обладает господствующее в государстве сословие¹⁰.

В каждую эпоху складываются некие свои мировоззренческие установки, которые влияют на формирование общественных идеалов. В переходные периоды от одной формации к другой вместе с постепенным изменением экономических основ жизни, способа производства и всей системы социальных отношений приобретают особую остроту и вопросы государственного устройства. Подобное наблюдалось и в интересующую нас эпоху. Поиски «наилучшего» его типа стали одной из характерных черт общественной мысли, а в связи со специфичностью представлений того времени об историческом процессе социальная утопия явилась одним из ярких ее проявлений. Примечательно, что там, где классовая борьба разыгрывалась с особой силой, где острее на нее реагировали представители различных группировок общества, создавались наиболее благоприятные условия для расцвета всевозможных утопических доктрин. Англия

⁹ Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука, с. 47—48; Он же. О политическом строе Утопии.— В кн.: Средние века. М., 1985, вып. 49; Осиповский И. Н. Мор. М., 1985, с. 82—85.

¹⁰ О Джаннотти см.: Чиколони Л. С. Концепция «смешанного правления» в трудах Донато Джаннотти.— В кн.: Идеиная борьба в средневековой Европе. М., 1984.

XVI в. с ее огораживаниями и кровавым законодательством стала родиной «Золотой книжечки» Мора; в Германии времен Реформации и Великой крестьянской войны сформировались идеи Мюнцера и целого ряда других народных вождей, а также их оппонентов и недругов. В середине XVI — начале XVII в. Италия, где совершались сложные, противоречивые процессы, превратилась в арену жестоких классовых и политических сражений, нашедших отзвук в многочисленных проектах преобразования общества: их вершиной справедливо считают знаменитый «Город Солнца» Кампанеллы.

Новый расцвет социально-утопической мысли мы видим в Англии времен Английской буржуазной революции — в движении диггеров и памфлетах Уинстэнли. Франция XVI—XVII вв. не столь богата сочинениями подобного рода, хотя элементы социальной утопии несомненны у Лефевра д'Этапля, у Рабле, в учениях монархомахов и др. Франция переняла эстафету в XVIII в. На ее почве в эпоху Просвещения возникла богатая утопическая литература — от коммунистических теорий Мабли и Морелли до мелкобуржуазных проектов Ж.-Ж. Руссо и др. А там, где на какое-то время социальные коллизии ослабевали, сходила на нет и социальная утопия (так это было, например, в Италии второй половины XVII—XVIII в., тяга к преобразованиям общества снова усилилась здесь лишь в конце XVIII — начале XIX в.).

Представления о совершенстве человеческого общежития изменяются не только в зависимости от тех или иных исторических вех. Они неидентичны и в пределах одной эпохи, поскольку выражают чаяния противоборствующих элементов, они варьируются на разных этапах развития также в пределах одной и той же формации. Генезис капиталистических отношений, зарождение новых классов, когда старые еще не отжили свой век, привел, как известно, к значительно усложнению структуры европейского общества. Отсюда наличие в нем весьма разнородных настроений. Политическая литература того времени убедительно подтверждает это явление. Идеальные картины, возникавшие в воображении мыслителей, стоявших на разных социальных позициях, по своей сути, естественно, не были однозначны. Наряду с построениями Мора, Мюнцера, Дони, Кампанеллы, Уинстэнли, которые защищали утопическо-коммунистические идеалы, встречаются всевозможные уравнилельные проекты, описания полулегендарного народа гарамантов (у них сохранена частная собственность, но живут они в полном равенстве и бедности), «Счастливого города» Л. Цукколо, идеализовавшего социальное устройство республики Сан-Марино, которое основано на том же принципе равенства и бедности. С «Республикой Евандрией» Цукколо, повествующей о богатом государстве людей «среднего» достатка¹¹, перекликается «Океания» Д. Гаррингтона, а описание Телемской обители Рабле — со «Счастливым городом» Ф. Патрици¹²: обе эти утопии не затрагивали основ существовавшего обществен-

ного строя, как и «Новая Атлантида» Ф. Бэкона. Утопическо-коммунистические построения XVIII в. (Мабли, Морелли, Мелье, Бабёф) контрастировали с проектами того же времени в защиту частной собственности. Таким образом, в развитии этого жанра мы видим несколько этапов и направлений.

В нашу задачу не входит классификация социальных утопий и изучение их типологии. Эта большая и сложная тема требует особого места. Подчеркнем, однако, что решающим и единственно верным критерием при этом должно быть определение их классовой сущности, о чем и пойдет речь в нашем обзоре. Тем не менее прежде мы хотели бы коротко остановиться на некоторых формальных чертах, которые позволят яснее представить себе роль утопической литературы в развитии общественной мысли интересующей нас эпохи.

По аргументации и строю мысли подобные проекты очень неоднородны. Наше внимание привлекают две категории. Одна из них, следуя средневековой традиции, как бы продолжала линию развития некоторых видов народной утопии XIV — XVI вв.¹³, была связана с Реформацией, Контрреформацией и последующей борьбой, проходившей под религиозной оболочкой. Иначе говоря, в значительной мере эти проекты были еще ориентированы на средневековое сознание. И это неудивительно, поскольку их авторы жили во времена господства феодализма, при котором «церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления»¹⁴. Опираясь на Библию, прибегая к религиозно-моральной аргументации, они своеобразно выражали взгляды разных кругов общества. В таких утопических построениях преломлялись чаяния то крестьян, то плебейской прослойки, то настроения бюргерства, а порой и мелких феодалов, рыцарей, которые в условиях начавшегося развития наук и прогресса в военном деле, по выражению Энгельса, быстрыми шагами шли «навстречу своей гибели»¹⁵.

В крестьянско-плебейских ересях XVI—XVII вв. анабаптистов, антиринитариев, монастырских пророков Яна Лейденского, Яна Матиса и др. возрождались хилиастические мечтания о тысячелетнем царстве божьем на земле, более развернуто, целеустремленно видоизменялись учения апостольских братьев, Дольчино, Джона Болла, таборитов. В них ярко проявилась враждебность простолюдинов к духовенству и паразитизму феодалов вообще. Подобные настроения особенно усиливались во время крупных народных восстаний и ранних буржуазных революций. По-новому и более последовательно идеи социального равенства развивались Мюнцером и Уинстэнли. По своей социальной значимости эти теории, в свою очередь, не были тождественны, порой их сближала лишь религиозная форма, под которой и скрывалась истинная, вполне земная суть. Авторы социальных доктрин, вожди крестьян, еретики, подоб-

¹¹ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Европе. М., 1983.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 495.

¹³ Там же, т. 7, с. 349.

¹¹ Zuccolo L. Dialoghi. Venezia, 1623.

¹² О нем см.: Чиколини Л. С. Социальная утопия в Италии XVI — начала XVII в. М., 1980.

но Мюнцеру, обращались к народу (который в целом обладал еще религиозным сознанием) на «единственно тогда понятном массам языке религиозного пророчества»¹⁶.

От таких утопических проектов по стилю и аргументации отличались сочинения в своей основе «светские», свободные от туманной богословской фразеологии, хотя и в них, как правило, религия отводилась немаловажная роль. В то же время появились утопии по духу антиклерикальные, хотя в XVI—XVII вв. они еще, как правило, не были атеистическими. Отрицательное отношение к религии формируется более определенно лишь у мыслителей XVIII в. «Светские» утопии были связаны с гуманизмом и культурой Возрождения и исходили из их достижений. В XVIII в. их основой стали достижения века Просвещения.

Эти две линии развития социально-утопической мысли, однако, шли не всегда параллельно, порой они пересекались и переплетались, что в тех условиях было неизбежно, поскольку авторы утопий, которые мы условно назвали «светскими», тоже в меньшей или большей степени оставались связанными с богословскими представлениями, натурфилософские элементы их мировоззрения, как правило, уживались с идеализацией христианской веры. Именно поэтому в проектах общественного переустройства появлялась «смешанная» аргументация, обращение к Священному писанию перемежалось со ссылками на древних мыслителей и законы природы. Показательны, к примеру, утопии Бэкона и Андреа, в которых гимн научным достижениям звучит одновременно с восхвалением христианства. К такому способу доказательств, отстаивая свой «Город Солнца», прибегал и Кампанелла, хотя воображаемое государство Калабрийца носит явный светский характер.

Сделаем оговорку: в сущности, в той или иной мере подобным образом аргументировало большинство мыслителей эпохи. Не случайно и у Мюнцера под религиозной оболочкой Энгельс заметил пантеистические убеждения, приближавшиеся к атеистическим, а в политической теории — к коммунистическим¹⁷. Подчеркнем, однако, что социальная суть каждой утопии определяется не смешением различных способов доказательств, а соотношением элементов средневекового и нового сознания (к примеру, восхваление христианской веры не делает «Новую Атлантиду» Бэкона произведением средневековым, так же как религиозная форма выступлений Мюнцера не лишает их нового, прямо противоположного феодальной идеологии содержания).

Этим, вероятно, и объясняется весьма примечательный факт: будучи различными по своему социальному смыслу, утопии переходного к капитализму периода порой имели немало общих черт. Последнее было связано, видимо, с наличием в них мотивов, которые касались огромного большинства людей, живших в то бурное время, отражали их неудовлетворенность, страх перед войнами, рост оппо-

зиционных феодализму настроений, а порой и недовольство явлениями, вызванными развитием буржуазных отношений, ростовщичеством, «революцией цен» и т. д. Немалое значение имел общий уровень культуры и склад духовной жизни.

Следует принять во внимание также и то, что в условиях разложения старых классов и формирования новых интересы различных социальных слоев нередко тесно переплетались. Отсюда сходные мотивы в творчестве мыслителей, занимавших разные социальные позиции, причем иногда и на разных исторических уровнях. И это вовсе не результат «фильтрации идей» или наличия какого-то особого, «утопического» мышления (о чем часто пишут буржуазные философы). В конечном счете их порождала одна и та же историческая обстановка. Так, утопии XVI—XVII столетий и последующего века Просвещения (несмотря на то что в XVIII в. общественная мысль сделала новый гигантский шаг вперед) принадлежали к одному и тому же историческому периоду, хотя и к разным его этапам: вплоть до Французской буржуазной революции в странах Западной Европы продолжали господствовать феодальные порядки, но уже росли и крепились новые капиталистические отношения. Исключение составляли Нидерланды и Англия, где произошли первые буржуазные революции. Однако и они не избежали дуалистического характера социальных отношений, поскольку и в этих странах сохранялись сильные феодальные пережитки.

Если говорить об утопиях «светского» направления, а именно в них прежде всего и делалась попытка изобразить детальную картину будущего справедливого общества, то их основой была та сумма представлений о мире и человеке, которую выработал гуманизм, а в XVIII столетии — Просвещение. Вопреки существующей в историографии тенденции изображать утопии XVI—XVII вв. как нечто противоположное Возрождению, гуманизму, советские историки (В. И. Рутенбург, И. Н. Осиповский, А. Э. Штекли, Г. С. Кучеренко, Р. И. Хлодовский, Л. С. Чиколина, О. Ф. Кудрявцев, В. В. Карева и др.) доказывают, что многие творения подобного рода были неразрывно связаны с тем или иным направлением этой культуры, нередко исходили из ее идей; даже в так называемых «охранительных» утопиях, защищавших феодальные порядки и католическую церковь, чувствуется это влияние. Отсюда некоторое сходство воззрений писателей разных социальных интересов: рационалистический подход к общественным явлениям, тяготение к натурфилософии и интерес к научным открытиям, критическое отношение к существующей действительности, суровое порицание недугов общества. Несовершенство жизнеустройства людей авторы таких утопий нередко пытались объяснить отходом от законов природы и равенства, от естественного человека. В связи с этим в литературе оживали и по-новому толковались мифы о Золотом веке, о счастливом дикаре, не испорченном цивилизацией. Последний мотив, отчетливо звучащий во многих произведениях XVI—XVII вв., был подхвачен и наиболее полно развит в эпоху Просвещения.

Это «общее» проявилось также в том особом интересе — а он

¹⁶ Там же, с. 375.

¹⁷ См.: Там же, с. 371.

был свойствен авторам большинства утопических проектов XVI—XVII вв.— к сочинениям древних — Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Цицерона, Сенеки, Вергилия, Тацита и многих других. В античном наследии, как в щедром источнике, они черпали идеи, примеры, аргументы в пользу справедливости своих суждений. Заметим, что этот интерес характерен также и для сочинений XVIII в., он не угас и в последующие времена. Однако лишь гуманистам, заново открывшим мир античности, было свойственно настоящие преклонение перед достижениями древней культуры. Первые удары этому пиетету нанесли философы-скептики XVI—XVII вв., в том числе и утописты, стоявшие на плечах гуманистов и, как ни парадоксально, нередко верные их традициям. Однако они не могли полностью подорвать утвердившийся авторитет классиков. Отметим вместе с тем, что увлечение древними никогда не означало прямого и безоговорочного восприятия их идей: суждения великих мыслителей прошлого, как правило, понимались на свой лад, изменялись в зависимости от тех или иных задач¹⁸. Имело важное значение миропонимание и социальная направленность творчества писателей, обращавшихся к античным образцам. Все это говорит о том, что сама по себе литературная традиция, несмотря на все ее значение, не определяет позиции автора, главным остается влияние конкретной реальности во всем многообразии ее противоречий.

Сила гуманистической традиции проявлялась и в суждениях утопистов разных направлений о ценности человеческой жизни. Их идеалом, совпадавшим с представлениями древних и противоположным средневековому аскетическому образу, был здоровый физически и духовно, гармонически и всесторонне развитый индивид. Этот идеал сохранился также в эпоху Просвещения, да и в последующие времена. Огромное значение они придавали воспитанию, подчеркивали роль наставника как истинного ваятеля совершенной личности.

В произведениях огромного большинства утопистов XVI—XVII вв., а также и тех, кто облакал свои мысли в религиозную форму, находили свое выражение идеи гражданственности, проявлялось позитивное отношение к полезной деятельности, труду, осуждалась праздность, восхвалялся человек-создатель, в том числе ученый, переосмысливающий значение *vita contemplativa* и *vita activa* и действующий на благо общества. Утописты высоко ценили время, выступали против бессмысленной его траты, мечтая сократить каждодневные заботы, дабы сохранить силы и время для приобретения знаний и духовного возвышения.

Важным достижением многих мыслителей той эпохи было понимание антагонистического характера общественных отношений. Но в отличие от Макьюелли, Гвиччардини и некоторых других, трезво оценивавших исторический опыт человечества и считавших борьбу социальных группировок («партий») нормальным явлением в жизни общества, утописты, презиравшие об ослаблении социальных противо-

¹⁸ См.: Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.

речий, как правило, наивно верили в возможность гармонии без уничтожения сословий и классов, надеялись ликвидировать противоположность между бедными и богатыми посредством учреждения справедливых законов и деятельности мудрых правителей. Лишь немногие были лишены подобных иллюзий, они сумели понять, что корни социальной несправедливости заключены в господстве частной собственности. К ним принадлежали Мор, Мюнцер, анабаптисты, Дони, Кампанелла, Уипстэнли, их последователи. В XVIII в. отрицательное отношение к частной собственности получало все большее распространение.

Следует особо сказать о роли Реформации и Контрреформации, наложивших глубокий отпечаток на характер утопий и общественной мысли XVI—XVII вв. в целом. За религиозным противоборством непременно скрывались тогда «весьма осязательные мирские интересы»¹⁹, а классовая борьба очень часто протекала под знаком религии²⁰. Авторы «охранительных» утопий, как правило, ополчались против Реформации, сторонники социальных преобразований нападали на католическую церковь и ее порядки. Нередко идеи радикальных мыслителей перекликались с крестьянско-плебейской ересью, в таком случае неприятие католицизма сочеталось с суровой критикой умеренных реформационных доктрин, что мы видим у Мюнцера, анабаптистов, итальянских вольнодумцев.

Части утопистов был свойствен призыв к свободному выбору веры: примечательно, что принцип религиозной терпимости провозглашен и в «Золотой книжечке» Мора, и в очень далекой от нее «Всеенской Республике» Франческо Пуччи²¹. Таким образом, при самом различном отношении к вере у авторов проектов «наилучших» государств и здесь проявлялось некоторое сходство: тем или иным путем они хотели ликвидировать религиозные раздоры. Одной из главных причин такого стремления явилось, видимо, отношение к религии как политической силе, способной объединить народы. Религиозный фанатизм, нетерпимость к верованиям других рассматривались как преграда на пути ко всеобщему согласию. И в этом отношении неудовлетворение вызывал не только католицизм, но и утвердившиеся протестантские доктрины. Разочарование обнаружил даже такой верный последователь евангелизма, как автор «Христианополиса» Андрес, полагавший, что Реформация, начатая Лютером, не завершена и потому нужна новая, более последовательная и радикальная. Действительно, догмы протестантизма всюду, где они победили, были поставлены на службу господствующей верхушке, а в преследовании инакомыслия лютеране и кальвинисты «перещеголяли католиков»²².

Не касаясь существа разногласий между сторонниками Реформации и римской церкви, отметим, что в глазах утопистов радикаль-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 468.

²⁰ См.: Там же, т. 7, с. 360.

²¹ О Пуччи см.: Чиколлини Л. С. Утопия Франческо Пуччи.— В кн.: История социалистических учений. М., 1982.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 347.

ного крыла между враждебными группировками католиков и протестантов, утвердившихся в ряде стран Европы, существовало некое сходство: догмы как тех, так и других приносили достоинство человека, отрицали значение разума и светского знания, прямо противоречили гуманистической этике. В какой-то степени этим (помимо других причин) объясняются, может быть, резкие выступления Мора против лютеран²³.

Следует учесть, пожалуй, и то обстоятельство, что вследствие торжества Контрреформации в ряде европейских стран на отношение утопистов к религиозным проблемам влияло впечатление о все еще значительной мощи католической церкви (в течение веков она объединяла страны Западной Европы), прямые атаки против которой не всегда производили желаемый эффект. Отсюда порой намерение использовать эту организацию, предварительно изменив ее и улучшив, как орудие для обновления мира. Этот мотив звучал и в политических трактатах Кампанеллы.

Существовали и другие точки соприкосновения между утопиями, весьма отличными по духу и направлению. Однако наличие некоторых черт сходства в них никак нельзя считать определяющим фактором. Они расходились в главном — в понимании сути человеческого счастья, справедливости, самих основ социального бытия. Принципиальные разногласия вызвали вопросы о собственности, характере трудовой деятельности, о роли физического труда. Именно при решении этих проблем наиболее отчетливо проявлялась классовая сущность тех или иных утопических построений.

Авторы, стоявшие на страже современных им порядков, настоятельно оберегали господствующую форму собственности, питали иллюзии, что с помощью их проектов можно ослабить социальные антагонизмы, не затрагивая прерогатив знати и существенно не меняя положения классов и сословий. Незыблемость устоев, покоящихся на частной собственности, столь же упорно отстаивали представители новой аристократии и зарождавшейся буржуазии, которые выдвигали, однако, требования более радикальных реформ и жаждали перераспределения собственности. Рост антифеодальных и оппозиционных феодализму настроений способствовал развитию уравнительных идей. И наконец, именно в рассматриваемую эпоху по мере развития капиталистического уклада было сформулировано положение о частной собственности как главном корне зол и пороков общества. Отсюда делался вывод о необходимости ее уничтожения.

В XVI—XVII вв. среди авторов утопических проектов преобладали, видимо, поборники имущественного равенства. Естественно, что их настроения чаще находили отражение в богатой социально-политической литературе. Необходимо при этом подчеркнуть, что эгалитаристские идеалы имели весьма различную классовую подоплеку. Идеи равенства были популярны среди мелких непосредствен-

ных производителей. Владевшие средствами производства и составлявшие тогда большинство трудящихся ремесленники и крестьяне, как правило, не являлись носителями идеи общности имущества. Да и занятые в мануфактуре или домашней промышленности наемные рабочие, как и деревенские батраки, по своему положению и психологии слагали еще очень близко к мелким собственникам. «Мануфактурный рабочий XVI—XVIII веков,— писал Ф. Энгельс,— почти повсюду владел еще орудиями производства: своим ткацким станком, прялкой для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы»²⁴.

Особенностью изучаемого периода было и то, что интересы зарождавшейся буржуазии, которая уже тогда нередко провозглашала эгалитаристские лозунги, если и не всегда совпадали с чаяниями народных масс, то в определенные периоды все же к ним приближались. Буржуа, происходя по большей части из среды крестьян и горожан, становились нередко их союзниками в антифеодальной борьбе. «Наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представительницы всего остального общества,— замечал Энгельс,— существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство и дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества»²⁵.

Союз этот, сохранявшийся в той или иной форме вплоть до буржуазных революций, не снимал, однако, противоречий (с течением времени обострившихся) между владельцами капитала и рабочими: не вполне сложившись еще до конца как класс, ранняя буржуазия уже в ту пору эксплуатировала людей труда. Вот почему ее идеологи, ратовавшие за равенство, нередко смыкались с представителями господствующего класса. Так, если речь заходила о критике частной собственности, и те и другие вставали на ее защиту. Именно такие настроения отразил, к примеру, Цукколо, резко осудивший воззрения Мора. Итальянец был убежден, что «братство граждан», «жизнь общиной», полюбившиеся автору «Утопии», являются «сладким обманом и приносят великий вред»²⁶.

Цукколо далеко не единственный, кто порицал идею обобществления собственности. Многие корили Платона. В оценке его воззрений происходила любопытная трансформация. Упуская из виду, что предложения Платона ликвидировать семью и частную собственность касались лишь господствовавших сословий и имели целью консолидацию класса рабовладельцев, укрепление их государства, авторы «охранительных» утопий нередко вовсе незаслуженно отно-

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 326.

²⁵ Там же, т. 19, с. 190.

²⁶ Zuccolo L. Op. cit., p. 182, 260.

²³ Осиповский П. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация, с. 232—235; 246—248.

сили древнего мыслителя к искренним поборникам всеобщего социального и имущественного равенства²⁷.

Таким образом, эгалитаристские идеалы того времени по своей сути очень варьировались. Призыв к равенству мог соответствовать интересам буржуа, выступавшим как против привилегий феодальной аристократии, так и против крестьянско-плебейского лозунга равенства людей в бедности. И наоборот, этот призыв приобретал антибуржуазный оттенок, если дело шло о восхвалении равенства людей среднего достатка, а борьба против резкой дифференциации общества выливалась в осуждение явлений, порождавшихся так называемым первоначальным накоплением капитала. Нередко в этих мотивах слышался отзвук чаяний горожан, мечтавших возродить коммунальные вольности, которые исчезали под натиском абсолютистских режимов, утверждавшихся в Европе.

Выступления против роскоши и накопительства могли находить сочувствие и среди части феодалов, рыцарства. Это также вело к созданию уравнительных проектов, имевших целью в конечном итоге проведение более равномерного распределения собственности (без ущемления интересов церкви и государства) ради ослабления внутренней напряженности (проект передела земли Фабио Альбергати²⁸). Наконец, мечты о равенстве, социальном и имущественном, были свойственны, как мы отмечали, мелким непосредственным производителям, в чем нетрудно усмотреть их стремление сохранить прежнее место в обществе, которое они неизбежно теряли вследствие разложения вековых устоев жизни. Эгалитаристские проекты реорганизации общества, отражая эти настроения, как правило, сочетались с призывом к умеренности, ограничению материальных потребностей, трудолюбию. В таких случаях протест против стяжательства и своекорыстия сочетался порой с мотивами в защиту добрых старых порядков и в то же время перемежался с критикой институтов, характерных для феодальной эпохи (сочинение испанца Антонио де Гевары в переводе на итальянский М. Розео²⁹, «Воображаемая республика» Агостини³⁰).

Наибольшее наше внимание привлекают утопии, защищавшие жизнь общиной, без частной собственности. Именно они положили начало широкому потоку утопическо-коммунистической литературы нового времени. Как и все сочинения подобного рода, они в той или иной мере отмечены чертами непоследовательности и двойственности. Неудивительно, что оценка таких проектов преобразования общества вызывает оживленную дискуссию.

Несомненно, большинству их создателей было свойственно неприятие существовавшего строя или, по крайней мере, понимание и порой даже достаточно веское обоснование коренных его пороков. Отсюда желание заменить его новым строем, основанным на соци-

альном равенстве. Способы учреждения таких порядков каждый автор измышлял по-своему: это мог быть путь реформ или добровольного отказа собственников от своих владений, путь построения «модели» идеального государства (как мечтало большинство утопистов), путь бескровной революции (как в XVIII в. думал Мелье), пассивного сопротивления и, наконец, насильственного свержения угнетателей (Мюнцер, Гайсмайер, молодой Кампанелла — организатор заговора в Калабрии, а в XVIII в. — Бабёф, бабуисты и др.).

Что касается самой идеи общности имущества, то здесь следует различать субъективное и объективное ее значение, соответствие или несоответствие ее реальным задачам исторического развития интересующего нас периода и, следовательно, возможность или невозможность восприятия этой идеи массами. Говоря о подобных лозунгах периода Крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии, Энгельс, например, связывал их, как известно, с выступлением плебейской прослойки общества, которая «уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан... по крайней мере в мечтах, должна была выйти даже за пределы едва только нарождавшегося тогда... буржуазного общества... не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуть сомнению учреждения, представления и взгляды, которые были свойственны всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам»³¹. Однако, несмотря на субъективные желания плебеев, объективно это «стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилем над действительностью», подчеркивал Энгельс. «Нападки на частную собственность, — продолжал он, — требования общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений»³².

Иначе говоря, само по себе требование общности имущества не отвечало потребностям исторического развития того времени. Именно поэтому идеалы Мюнцера не разделяло большинство восставшего народа. Мюнцер «пошел значительно дальше обычных представлений и непосредственных требований плебеев и крестьян и только из избранной части тогдашних революционных элементов создал партию, которая, поскольку она стояла на уровне его идей и разделяла его энергию, всегда оставалась лишь незначительным меньшинством восставшей массы»³³.

Подобное имело место в период Английской буржуазной революции. Деятельность диггеров оказалась обреченной на неудачу.

²⁷ См.: Paruta P. Della perfezione della vita politica. Venezia, 1599, p. 405, 407.

²⁸ Albergati F. La Repubblica regia. Bologna, 1627.

²⁹ Roseo da Fabriano M. La Instituzione del Principe christiano. Vinegia, 1560.

³⁰ Agostini L. La republica immaginaria. Testo critico, con bibliografia dell'autore / A cura di Luigi Firpo. Torino, 1597.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 363.

³² Там же, с. 363—364.

³³ Там же, с. 376.

«Исторические рамки XVII в. были таковы,— замечал советский историк Ю. М. Сапрыкин,— что попытка осуществить диггеровский идеал общности имущества свелась бы, помимо их воли и сознания, к созданию в деревне „лендлордизма без лендлордов... к самому свободному развитию капитализма в земледелии. В этом состояло реальное значение их взглядов и деятельности в эпоху буржуазной революции»³⁴. В своих выводах Ю. М. Сапрыкин опирается на теоретические положения В. И. Ленина, который полагал, что ликвидация земельных владений лордов означала бы «еще более совершенное, с точки зрения капитализма, аграрное устройство, с еще большей свободой приспособления землепользования к рынку, с еще большей легкостью мобилизации земли, как объекта хозяйства, с еще большей свободой, широтой, ясностью и определенностью классово-борьбы, свойственной всякому капиталистическому землевладению»³⁵.

Итак, идеи обобществления собственности, прежде всего земельной, в понимании народных масс приобретали явно антифеодальный смысл, служили борьбе за их исконные права, отражали стремление изменить существовавший строй, а в более узком плане — помогали их сопротивлению крупным собственникам, наступавшим на крестьянское землевладение и захватывавшим общинные угодья.

Упорная борьба крестьян за общинные права характерна для рассматриваемой эпохи. Не только в Англии, где совершался аграрный переворот, но и в других регионах Европы, пусть не так интенсивно и с иными результатами, сочетаясь порой со вторичным закрепощением крестьян, шел процесс обезземеления мелких непосредственных производителей деревни. В этих условиях сохранившаяся (правда, в урезанном и трансформированном виде) сельская община продолжала играть важную роль. Примером могут служить итальянские *comuni rurali*, которые в XVI—XVII вв. энергично отстаивали право своих членов пользоваться лугами, лесами, выпасами, другими общинными угодьями, включенными в феодальные поместья. Более того, на юге сохранился обычай за небольшую плату коммуне засеивать на общинных землях мелкие клочки земли. Примечательно, что многочисленные секты анабаптистов, моравских братьев, возникавшие то там, то здесь, на деле, как правило, опирались на общинные порядки и даже в чем-то воспроизводили их.

Отсюда невольная идеализация этих порядков в социальных утопиях, особенно при изображении «философского образа жизни» общины. Конечно, немалое значение имело и влияние античных образцов, в том числе обращение к опыту древней Спарты, социальное устройство которой так восхищало древних мыслителей (Платона), а затем гуманистов. «Общинный строй покоится здесь,— писал Маркс об особенностях античной общины,— в такой же мере на том, что его членами являются работающие земельные собственники, парцеллярные крестьяне, как и на том, что самостоятель-

ность последних обеспечивается их взаимным отношением друг к другу как членов общины, использованием *ager publicus* для общих потребностей, общей славы и т. д.»³⁶. Главные ее черты следующие: «Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления; промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (прядение и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства (*fabri* и т. д.)»³⁷.

Некоторое сходство, пусть даже чисто внешнее, с такой общиной имели мелкие средневековые города, не утратившие свой аграрный характер и в XVI—XVII вв. По наблюдениям ряда итальянских историков, в Южной Италии; в частности, многочисленные мелкие городки были заселены крестьянами. Земли здесь принадлежали крупным латифундистам, а обрабатывали их мелкие арендаторы. В силу специфичных условий хозяйствования и экстенсивности сельского производства значительная часть крестьян вынуждена была менять возделываемые участки, вследствие чего там редко возникали крестьянские усадьбы в непосредственной близости от полей; земледельцам, обитавшим в городках, приходилось преодолевать порой немалые расстояния, чтобы добраться до места работы. Эти особенности также получали своеобразное преломление в политической литературе и социальных утопиях.

В. И. Рутенбург справедливо подметил, что Кампанелла, создавая «Город Солнца», имел перед глазами яркий образец — итальянский город-государство³⁸. Нам думается, что перед взором Калабрийца возникала и другая картина: своеобразие быта земледельцев Южной Италии (где деревня как таковая нередко отсутствовала), часто селившихся в городах и покидавших их пределы для обработки земли. В приукрашенном и измененном виде он воспроизвел ее при описании полевых работ соляриев, на которые идут они с музыкой и знаменами, но это уже не мелкие арендаторы и парцеллярки, а жители прекрасного города, ведущие совместное хозяйство. Идеализация городских и сельских коммун была присуща и другим мыслителям той поры. Показательно, что мечты о прочих, процветающих державах выливались, как правило, в изображение совершенной жизни небольшого города-общины. Таким образом, мы снова наблюдаем переплетение в утопиях старых феодальных традиций с новыми миропредставлениями.

Подобные реминисценции были свойственны и Мору. При этом сильно или невольно он отразил некоторые настроения, близкие бесправным и угнетенным, хотя, быть может, субъективные убеждения будущего лорда-канцлера вовсе не совпадали с объективным значением его «Утопии», обладавшей в ту эпоху большой воздвигнутой силой. Тут, как видно, произошло то же, что с идеями Мюнцера, которые, как отмечалось выше, намного опередив время,

³⁴ Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. М., 1972, с. 306.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 383.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 466.

³⁷ Там же.

³⁸ Рутенбург В. И. Кампанелла. Л., 1956.

не всегда адекватно воспринимались массами. Конечно, отношение этих двух выдающихся деятелей к массам было весьма различным: Мюнцер повел их на борьбу против угнетения, Мор был решительным противником народных движений. Но он — гуманист, которого коробили невежество и грубость черни, — создал произведение, вызывавшее сочувствие и интерес европейских мыслителей самых разных направлений от Дони и Кампанеллы до Андреа, Вераса и просветителей XVIII в. (Монтескье). Здесь мы нагаливаемся на важную, но все еще мало изученную проблему о соотношении миропонимания низов и верхов или взаимодействии двух культур, существующих в классовом обществе, и их отражении в утопиях.

Вопрос о взглядах утопистов на собственность важен не только сам по себе, он определял критерии оценки трудовой деятельности человека. Еще в период развитого феодализма постепенно менялись представления о физическом труде как низком и презренном. Прежде всего у самих крестьян и ремесленников росло чувство самоуважения, они начали рассматривать свой труд как необходимый, важный, гарантирующий им достойное место в обществе³⁹. В эпоху Возрождения тема труда стала предметом особого внимания. Многие выдающиеся мыслители — представители гражданского гуманизма, радикально настроенные писатели — подчеркивали его великое значение⁴⁰. Такое отношение к труду было характерно, в частности, для многих итальянских, особенно флорентийских, авторов. Последнее легко объяснимо: во Флоренции они нередко выходили из ремесленной среды, даже члены знатных фамилий долгое время были там прочно связаны с торгово-промышленной деятельностью.

Интерес к труду, его видам и организации возрастал по мере разложения феодальных и зарождения капиталистических отношений. Не случайно, что в утопиях XVIII в. этому вопросу отводится огромное внимание. Несомненно, немалую роль здесь играло упорное сопротивление трудящихся угнетению в условиях, когда они стали подвергаться более интенсивной, двойной эксплуатации — со стороны феодалов и со стороны буржуа. «...Труд, — отмечал Маркс, — эксплуатируется капиталом еще до того, как последний разовьется в свою форму производительного капитала, а сам труд приобретает форму наемного труда. Такого рода [переходные] формы существуют в общественных формациях, предшествующих буржуазному способу производства»⁴¹.

Предметом споров в утопической литературе становились разные аспекты этой темы: соотношение свободного и несвободного труда, добровольного и принудительного, умственного и физического, индивидуального и коллективного. Решение проблемы всегда зависело от классовой позиции автора. Создатели утопий охранительных

вслед за античными философами оправдывали подневольный труд, прикрываясь заимствованными у Аристотеля сентенциями о «естественных рабах», самой природой созданных для послушания и тягот. Ярким примером такой трактовки может служить «Счастливейший город» Ф. Патрици, где землю обрабатывали рабы, а ремесленники и купцы были сведены на положение людей неполноправных.

Свободному труду отдавали предпочтение представители формировавшейся буржуазии, как, впрочем, и некоторые поборники существовавших общественных порядков, проявлявшие большую гибкость и понимание нецелесообразности крепостнических устоев там, где они отжили свой век. В этом отношении показательны суждения Альбергати, считавшего труд свободных людей более выгодным⁴². В «Евангрии» Цукколо также работать обязаны все, даже слепым и убогим поручено какое-либо нужное дело⁴³. Однако в таких утопиях, как правило, все же возникала категория «естественных рабов», исполнявших неприятные и тяжелые работы.

Более последовательную позицию занимали сторонники обобществления собственности. Воображаемые государства Мора, Кампанеллы, Андреа, Уинстэнли, утопистов-коммунистов XVIII в. процветали благодаря всеобщему труду людей свободных. Однако и в них порой появлялись невольники, как, например, в «Утопии» и даже в «Городе Солнца». А ведь в свое время Кампанелла был одним из самых решительных защитников социального равенства и жизни «коммуной»! Наталкиваясь на сложную проблему неприятного труда, радикально настроенные мыслители упоминали «добровольных рабов» или говорили о рабстве как наказании.

Таким образом, и в этом проявлялся противоречивый характер социальной утопии интересующей нас эпохи. С одной стороны, верность гуманистическим принципам вела писателей к весьма высокой оценке личной свободы человека («свобода — главный дар природы», замечал еще Леонардо да Винчи). С другой стороны, те же отправные установки порождали оправдание подневольного труда, а подчас и подчиненного положения трудящихся вообще. Такое противоречие вполне соотносилось с воззрениями людей переходной эпохи, когда еще продолжали господствовать феодальные порядки, а следовательно, и соответствующие взгляды на трудящийся народ. Разумеется, и здесь не обошлось без влияния античных канонов, а также положений гуманизма. Стремление достичь «истинного блаженства», предаваясь «благородным» умозрительным занятиям, заставляло размышлять о необходимых для этого условиях — свободе от трудов и забот. В своих сочинениях авторы иных утопий и возлагали эти заботы на рабов и неполноправных.

Не меньше разногласий вызывал вопрос о соотношении умственного и физического труда. Признание значимости механических ремесел и земледельческих работ для общества еще не означало уравнения их в достоинстве с умозрительными занятиями: последние еще долго ценились значительно выше. Для многих, в том числе

³⁹ Гутнова Е. В. Указ. соч., с. 290—293.

⁴⁰ См.: Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука, с. 254—271; Чиколини Л. С. Социальная утопия..., с. 234—236, 342; Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983, с. 156—161.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 29.

⁴² Albergati F. Op. cit.

⁴³ Zuccolo L. Op. cit., p. 215, 233.

ле и для Мора, физический труд оставался «телесным рабством». Даже гуманист ремесленник Джелли считал «механические искусства» неблагодарным, тяжелым занятием. В то же время высокую оценку физического труда давали Гайсмайер, Гергот, Парацельс. Противоположность между умственным и физическим трудом уничтожена в «Городе Солнца». Там почетны все полезные занятия и всякая нужная работа доставляет истинную радость. Эта мысль подкреплена важным открытием: тяжелый труд должен быть облегчен. В «Городе Солнца» на помощь людям приходит наука, позволяя лучше понять природу и самого человека, технические изобретения (шорой фантастические, как, например, парусные повозки и плуги), на работу отводится не более четырех часов в день, каждый имеет возможность менять поле своей деятельности.

Утопические романы и трактаты затрагивали и такой чрезвычайно важный в условиях возникновения нового способа производства вопрос, как организация труда. При его решении в XVI—XVII вв. мы встречаем по большей части идеализированное воспроизведение старых, типичных для средневековья систем хозяйствования, в основе которых лежал мелкий индивидуальный труд ремесленников и крестьян. Представления о коллективных формах ведения хозяйства (в виде простой кооперации) встречаются реже, однако на практике такая организация все же встречалась у анабаптистов. В «Городе Солнца» производство тоже носит общественный характер. Но только позже, по мере того как развивались мануфактуры, подобные понятия получали большее распространение: ярким примером может служить сочинение Джона Беллера⁴⁴, а также последующие английские проекты XVIII в.

Что же касается принципа совместных работ, провозглашенного в ранних коммунистических утопиях XVI—XVII вв., то здесь немало туманного. Реальный опыт анабаптистов и общин моравских братьев показывает, что «работать сообща» на деле часто означало свободно пользоваться общинными правами, делиться продуктами труда с бедняками или сдавать их на общий склад. При этом чаще всего сохранялись индивидуальный характер работ и мелкое производство, которое иногда строилось по примеру ранних мануфактур. Последнее можно проследить в общинах моравских братьев, гуттеров. Принцип коллективной организации работ провозглашен в «Городе Солнца».

Утопические сочинения о «наилучших» государствах поднимали и другие вопросы, связанные с трудовой деятельностью людей: разделение труда, его регламентация, чередование работы и отдыха, контроль за выполнением работ и т. д.

В исторической литературе можно встретить довольно распространенное утверждение, что утопические проекты преобразования общества XVI—XVIII вв., в том числе утопии коммунистические, представляли собой всего лишь отвлеченную мечту об идеальных

общественных порядках, вводили читателя в область чистой фантазии, повествуя о неведомых островах, и были оторваны от жизни. Нет слов, эти проекты были утопичны, а значит, фантастичны, не могли указать правильного пути к созданию справедливого социального устройства. Но они отнюдь не были оторваны от жизни, напротив, навеяны ею. Их авторы, как правило, исходили из наблюдения над реальностью, пытались разрешить сложные задачи своего времени, их «неведомые острова» нередко отражали вполне конкретные вещи, а в осуждении недугов общества они выступали как острые публицисты. И, видно, не случайно Дони, рассказывая о прекрасном городе, приснившемся Мудрецу, тонко подметил: человеку не может пригрезиться такое, что так или иначе не связано с жизнью⁴⁵.

Конечно, в каждую эпоху, в том числе в XVI—XVIII вв., создано немало абстрактных фантазий. Но даже такие сюжеты, как сказания о стране Кокейн или Шлараффии, о «мире наоборот», унаследованные от средневековья, но продолжавшие существовать в XVI—XVII вв., перекликались с жизнью, становились формой протеста масс против угнетения, способом осуждения несправедливых общественных устоев⁴⁶.

* * *

В Манифесте Коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая существование различных видов социализма, которые воздействовали на рабочий класс первой половины XIX в., выделяют, как известно, три направления: 1) реакционный социализм, к которому относят социализм феодальный, мелкобуржуазный и немецкий, или «истинный, социализм»; 2) консервативный, или буржуазный, социализм; 3) критически-утопический социализм и коммунизм⁴⁷, т. е. дают четкое определение классовой сущности социалистической литературы своего времени. Что касается утопий интересующего нас периода, то далеко не всегда представляется возможным дать более или менее точную характеристику их социального содержания, поскольку чрезвычайно трудно проследить четкую связь того или иного автора с интересами определенной прослойки общества, они, как отмечалось выше, были еще довольно аморфны.

И тем не менее социальная утопия, тесно связанная с общественной и политической мыслью, в своеобразной форме, опосредствованно отражала сложные процессы, происходившие в историческом развитии европейских стран. Она проливает свет на чаяния самых различных группировок общества той переломной эпохи. В некоторых утопических произведениях все же можно проследить настроения, в той или иной степени связанные с интересами ран-

⁴⁴ См.: Павлова Т. А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в. М., 1979.

⁴⁵ Doni A. F. *Mondi celesti, terrestri et infernali de gli academici pellegrini*. Venedigia, 1562, p. 234, 237.

⁴⁶ См.: Чиколлини Л. С. Социальная утопия..., с. 264—269; Гутнова Е. В. Указ. соч., с. 320—325.

⁴⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 448—457.

ней буржуазии (хотя сама эта прослойка находилась еще в стадии становления). Такие утопии не носили еще реакционного или консервативного характера, поскольку идеи, выраженные в них, нередко соответствовали историческому развитию. В XVI—XVIII вв. проявлялись и отдельные черты утопий феодальных, а также построенных в защиту интересов зачаточного пролетарского элемента⁴⁸, зарождавшегося современного буржуазного общества, правда, объективно последние имели тогда лишь антифеодальное значение.

В заключение заметим, что мы далеки от мысли, будто утопические проекты преобразования общества были исключительной принадлежностью интересующей нас эпохи. Разумеется, в той или иной мере они распространялись и в другие времена. Как правило, их число возрастало в периоды острых социальных коллизий, в моменты перехода от одной стадии развития к другой. Хорошо известно, что зарождение этого жанра совпало с кризисом античного полиса. Однако лишь на завершающей фазе феодализма, когда в его недрах зарождались капиталистические отношения, в Западной Европе сложилась благоприятная обстановка для бурного развития социально-политических и утопических учений. Новый расцвет утопической литературы наблюдается в следующее столетие уже на более высокой ступени исторической эволюции.

Утопии XVI—XVIII вв. не только свидетельство классовых битв, кипевших в то переломное время. Они сами способствовали формированию соответствующих настроений и идей, были ярким проявлением, составной частью острой идеологической борьбы. Их изучение дает возможность лучше понять общую атмосферу жизни в переходный к капитализму период и различные направления общественной мысли, одной из форм и выражений которой они являлись.

⁴⁸ См.: Там же, т. 7, с. 356.